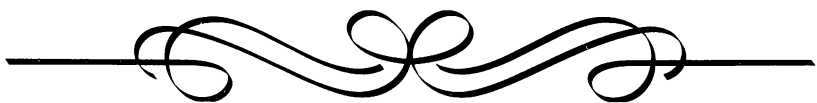

Глава XII

Ливонская война и Земский собор 1566 года

В каком-то смысле самой насущной и долгосрочной задачей для России оставалась война с крымским ханом, поскольку татарские полчища всегда могли без предупреждения вторгнуться из далеких степей. Татары также постоянно меняли союзников, переходя от польско-литовского короля (у которого на службе были к тому же татарские наемники) к русским. Как бы то ни было, Россия приступила к созданию оборонительной системы против татар и к строительству цепи укреплений вдоль своей южной границы, которая продолжала служить защитой страны вплоть до присоединения Крыма в 1783 году. Первая линия обороны проходила по реке Оке, от Тулы и Серпухова до Нижнего Новгорода, но для середины шестнадцатого века ее расстояние от Москвы не обеспечивало безопасности, и она была дополнена другой линией, проходящей через ряд таких городов, как Коломна, Кашира, Серпухов и Калуга. В нее входили крепости, откуда рассылались конные дозоры для обнаружения передвижений татар и защиты местного населения. В начале своего царствования Иван IV занялся укреплением этой линии и построил южнее еще одну [засечную черту], которая включала в себя новый город Орел и простиралась до Алатыря на реке Суре. Протяженность всей системы составляла около тысячи километров; она состояла из земляных валов, срубленных деревьев, палисадов, рвов, наполненных водой, и службу на ней несли дозорные,

жившие в ближайших городах. Лично Иван придавал большое значение этой оборонной линии и летом 1565 года совершил длинную поездку по новым городам с целью инспекции защитных сооружений¹.

Но так как ему предстояло выдержать тяжелую борьбу с Литвой, которую теперь поддерживала более многочисленная польская армия, он должен был обезопасить себя не только со стороны Крыма, но также и со стороны Швеции и Дании, претендовавших на Ливонию.

Тем временем в Швеции 29 сентября 1560 года закончилось долгое царствование Густава Вазы, и его сменил на престоле старший сын Эрик XIV, который по меньшей мере в интеллектуальном отношении представлял собой ренессансного монарха. Новый король недавно вернулся из Англии, где Елизавета, взойдя на престол, отвергла его предложение о замужестве. Это было и к лучшему, ибо этот самый привлекательный из всех ее поклонников, *«со всеми его блестящими качествами, был трагически несчастным человеком, тревожным и раздражительным, склонным к самоанализу и самобичеванию; подверженным резким переменам настроения; одновременно легковым и подозрительным, жестоким и неуверенным в себе. Бриллиант с самого начала был с изъяном: резкий удар мог расколоть его»*. В самом деле, темпераментом он очень напоминал Ивана IV². Воцарение Эрика XIV внесло в русско-шведские отношения новый элемент, поскольку позиции нового короля в диалоге с Иваном были сильнее, чем у его отца Густава: мать Эрика была германской принцессой и сам он, как и Иван, получил престол по праву наследования, а не по избранию³. Точно так же, как Сигизмунд отказывался обращаться к Ивану как к царю, так и Иван всегда отвергал требования Густава о признании его равным себе и о проведении переговоров между Россией и Швецией непосредственно с царем в Москве, а не с наместником в Новгороде. Как сын принцессы, Эрик первым из шведских королей мог претендовать на звание Его Величества и очень гордился своим происхождением от готов⁴.

Новый король намеревался установить шведский контроль над Ревелем, что позволило бы ему господствовать на обоих берегах Финского залива, где Нарва, оказавшаяся в руках у русских, заменила Ревель в качестве главного перевалочного пункта в доходной торговле с Россией. С точки зрения Эрика, его наиболее вероятным союзником среди соперничающих держав была Россия, поэтому уже в 1561 году он начал

переговоры о продлении перемирия с Россией, вследствие чего в июне 1561 года Ревель признал главенство Швеции. Эрик продолжил решительное вмешательство в торговлю Ганзы и других стран с Нарвой, захватывая торговые флотилии в открытом море и стремясь сконцентрировать торговые потоки в подконтрольном Швеции Ревеле⁵. В августе 1561 года между Россией и Швецией был подписан мир на двадцать лет⁶, который упрочил их связи и обеспечил тыл Ивана. Но в 1562 году произошло событие, которому на некоторое время было суждено омрачить взаимоотношения двух стран.

Единокровный младший брат и наследник Эрика, Юхан, герцог Финляндский, пытался создать независимое владение в рамках своего удела и заключить выгодный брак. Его внимание привлекла сестра Сигизмунда Августа, Екатерина Ягеллонка, которая незадолго до этого отвергла предложение выйти за Ивана после смерти Анастасии. Теперь, не дожидаясь разрешения на брак от своего брата короля, Юхан двинулся напролом и получил согласие Сигизмунда на его брак с Екатериной, утаив некоторые подробности своих финансовых и политических планов. Свадьба состоялась 4 октября 1562 года и вызвала гнев Эрика. Юхан был схвачен, отдан под суд и осужден шведским риксдагом за измену. Он оказал сопротивление, был осажден в своем замке, взят в плен и заключен в замке Гриспсхольм вместе с женой на пять лет. Состоявшийся брак стал причиной конфликта между Швецией и Россией, так как Иван решил потребовать выдачи отказавшей ему невесты.

Ситуация вокруг Ливонии значительно усложнилась после того, как в 1563 году разразилась так называемая Семилетняя война на Балтике между Швецией и Данией. Ивану было очень удобно наблюдать за схваткой Швеции и Дании, оставаясь в стороне, но он не хотел в это время портить отношения с Данией, с которой в 1562 году был подписан договор, признававший аннексию Данией замка Зоннебург в Ливонии и права брата короля, герцога Магнуса, на епископство Эзельское и герцогство Курляндское. (Вскоре оно было захвачено бывшим гроссмейстером Кеттлером с согласия Сигизмунда Августа.) Эрик Шведский, нуждавшийся в хороших отношениях с Россией в ходе войны с Данией, в мае 1564 года подписал (как в прежние времена, в Новгороде) Дерптский трактат, в котором Россия признавала права Эрика на Ревель и ряд замков, а Эрик признал оставшуюся часть Ливонии собственностью Ивана. Но это не привело к окончательному урегулированию⁷.

Сигизмунд между тем обеспечил для своей унии перемирие с Крымом на 1564 – 1565 годы, во время которого крымцы пару раз нападали на Россию, но в 1566 году султан призвал своего вассала прекратить эти набеги и присоединиться к военным действиям турок против германского императора в Венгрии. Крымские татары, потребовав возврата Казани и Астрахани, угрожали мнимой поддержкой турок и в марте 1566 года предложили заключить перемирие на два года при условии уплаты русскими обычной дани, в чем Иван, разумеется, отказал. Напротив, в конце апреля 1566 года он провел демонстративно направленную против крымцев инспекцию засечной черты на южной границе, длившуюся целый месяц.

Ливонский орден в это время полностью утратил самостоятельное значение, хотя его войска еще сохранялись на прежней территории. После взятия Полоцка Россия согласилась на подписание перемирия с Польшей-Литвой до конца 1563 года, и это впоследствии дало Ивану повод жаловаться на то, что он был введен в заблуждение и дал союзному государству передышку для перевооружения.

В 1563 и 1564 годах переговоры России с большим польско-литовским посольством продолжались, причем обе стороны выдвигали нереальные требования, немедленно отвергавшиеся партнерами по переговорам. Иван, по обыкновению, требовал вернуть все старинные западнорусские земли (Киев и пр.) и уступить ему «родовые земли» в Ливонии. Поляки, по всей видимости, готовы были идти на соглашение по принципу *uti possidetis**, то есть отдать Ивану Полоцк. Однако обе стороны отказывались идти на уступки по вопросам, служившим подлинным камнем преткновения между ними: поляки настаивали на закреплении за ними Риги и реки Двины на всем протяжении, оставляя Ивану лишь клочки земли у Полоцка выше и ниже по течению, а также отказываясь признать его царский титул.

Изменчивая военная ситуация на Балтике в 1564 и 1565 годах и нежелание сторон идти на компромисс по поводу условий перемирия между Россией и Польшей привели к продолжению войны, в ходе которой и те и другие начали испытывать недостаток человеческих и финансовых ресурсов. Иван вынашивал теперь новый план, а именно воссоздание Ливонского ордена в качестве своего вассала под управлением его прежнего великого магистра Вильгельма фон Фюрстенберга, находившегося

* Сохранение за сторонами занятых ими территорий (лат.).

в русском плену, но пользовавшегося уважением царя и содержавшегося в хороших условиях. Однако Фюрстенберг, хранивший верность своему германскому сюзерену, императору Священной империи, отказался принять это предложение. Весна и лето 1564 года были ознаменованы неудачами русских войск в Ливонии, в частности, в битве при Уле в августе, которую Иван считал серьезным поражением, новыми побегами русских в Литву и тайными переговорами представителей знати обеих сторон с ведома или без ведома и одобрения Ивана. Не следует недооценивать влияния на позицию русских в ходе переговоров с Литвой бегства Курбского; оно сильно впечатлило Ивана и сказалось на его отношении к русским князьям и боярам, усилив сомнения в их верности⁸.

Умножившееся вслед за введением опричнины число казней привело летом 1565 года к коллективному выражению протеста со стороны части бояр и князей, в том числе и, возможно, возглавившего их митрополита Афанасия. *«Они сказали [Ивану], что христианский государь не имеет права обращаться с людьми, как с животными; он должен страшиться наказания Господа, который карает за пролитие невинной крови до третьего колена»*. Этот коллективный протест, вероятно, сильно разъярил Ивана, привыкшего к беспрекословному повиновению. Но с мая по конец июля 1565 года⁹ он был далеко от Москвы, на богомолье и, возможно, осматривал свои новые приобретения из числа конфискованных имений, так что ему пришлось подавить свой порыв немедленно расправиться с врагами и отложить наказание на несколько месяцев. Среди тех, кто пострадал в начале 1566 года, был князь Владимир Старицкий.

Иван всегда испытывал недоверие к своему двоюродному брату и еще до этого заменил всех членов его свиты другими; теперь он решил отобрать у него все прежние земли, включая главный город Старицу, от которого происходило его имя. Взамен он наделил его разбросанными по разным местам имениями, разрушив тем самым его удел и лишив связи с традиционными сторонниками. Можно только догадываться, подозревал ли царь своего родственника в новых замыслах свергнуть его с престола, но во всяком случае он полностью лишил его средств к исполнению¹⁰.

В апреле 1566 года, вероятно, благодаря заступничеству бояр и служилой знати из земщины во главе с боярином Иваном Федоровым, князь Михаил Воротынский вернулся из Белозерского монастыря, где находился в ссылке.

Он получил разрешение жить в Москве под залог неслыханных гарантий со стороны пяти бояр, которые поручились за него своими головами и суммой пятнадцать тысяч рублей. Князь получил назад часть своего огромного состояния, ему было позволено сохранить своих бояр и вооруженную свиту, что давало ему возможность вести жизнь удельного властителя¹¹.

Хотя Воротынскому была возвращена значительная доля его вотчин, расплатится с долгами, сделанными во время ссылки, без помощи Ивана он не мог, и царь ему такую помощь оказал¹².

Манера обращения Ивана с Воротынским указывает на то, что царь так и не решил, друг ему князь или враг, нуждается он в нем как в военачальнике или подозревает его в измене. Многим боярам и детям боярским, сосланным в Казань, было теперь также разрешено вернуться. В мае 1566 года они получили некоторые из своих земель обратно под поручительства на крупные суммы, гарантирующие, что эти люди не укроются в Литве и будут доносить обо всех подозрительных фактах. Преимущество этой операции заключалось в том, что пострадавшие могли вернуться ко двору и иногда даже вступать в опричники.

Время, прошедшее в долгих и бесплодных переговорах 1565 и 1566 годов о мире, было отмечено некоторым смягчением отношения Ивана к представителям высшей знати и их слугам, хотя перетасовка имений на территориях, отошедших к опричнине, продолжала идти ускоренными темпами. Большую часть 1565 года царь провел не в Москве, а в Александровской слободе, которую он снабжал все новыми укреплениями, приступив также к строительству удаленной крепости в Вологде (на опричной земле), по пути в Холмогоры и на Белое море; эта крепость могла стать более надежным убежищем в случае смуты.

В Вологде находилась штаб-квартира английской Московской компании, созданной для реализации привилегий на торговлю, выданных Иваном англичанам в 1555 году. Царь даровал компании право повсеместно торговать в России, не выплачивая пошлин и других налогов, а также ряд других привилегий, обеспечивающих безопасность и прибыльность ее деятельности. Компании было разрешено приобретать дома в Москве, Вологде и Холмогорах, а также склады на подходящих пристанях. В 1589 году у компании было пять домов в северной части страны, она посылала своих агентов в Россию вместе с необходимым штатом приказчиков, которые часто пытались подрабатывать, торгуя

на стороне; приезжали также ремесленники и подмастерья¹³. Главный агент часто выступал в роли посланца английской короны; иногда королева направляла от себя отдельного посла¹⁴. Энтони Дженкинсон, агент компании в 1557 году, добился согласия Ивана на разведку торговых путей в Каспийском регионе, что в дальнейшем привело к организации нескольких торговых экспедиций в Персию. Дженкинсон сумел привезти Ивану драгоценные камни и шелка, благодаря чему между ними установились довольно близкие отношения, так как в последующем царь постоянно демонстрировал свое доверие и даже расположение к нему¹⁵.

Весной 1565 года между Россией и Швецией было заключено перемирие сроком на семь лет¹⁶. Тем временем литовцы, опираясь на заключенный ими с крымскими татарами союз, обеспечивавший безопасность на южных границах, продолжали нападать на русские отряды, стоявшие на рубежах вдоль Двины и в Ливонии. Но в 1566 году Литва была вынуждена вступить в войну со Швецией в Ливонии. Потребность литовцев в польской военной помощи для противостояния России и Швеции увеличивала вероятность будущих изменений в структуре династической унии, объединявшей Королевство Польское и Великое княжество Литовское, о чем в Вильно ходило много разговоров. Как бы то ни было, переговоры между Россией и конфедерацией вскоре возобновились, так как ни одна из сторон не видела другого выхода из конфликта. 30 мая 1566 года «великое» литовское посольство прибыло в Москву. Его возглавлял влиятельный вельможа Юрий Александрович Ходкевич, брат литовского гетмана, а состояло оно из 7 знатных особ с 10 сопровождающими, с которыми была свита 850 человек, более 12 000 лошадей и 56 старших купцов, которым было поручено выгодно распорядиться товарами, привезенными посольством. Послы разместились в Литовском дворе, а Иван, который находился в Троицком монастыре, появился 6 июня, когда посольство устроилось на новом месте. Царем по обыкновению был устроен торжественный прием по этому поводу¹⁷.

Литовское посольство явилось результатом ряда заседаний литовского сейма в ноябре 1565 года в Вильно и в апреле 1566 года в Берестечко, на которых долго обсуждались перспективы войны с Россией в связи с финансовым истощением страны. Маловероятно, что Сигизмунд рассчитывал заключить мир ввиду неприемлемости литовских условий для Ивана, но можно было договориться о долгосрочном перемирии.

На переговорах, формально начавшихся 6 июня, Ивана представляли Василий Михайлович Захарьин-Юрьев¹⁸, племянник царицы Анастасии, дочь которого вышла замуж за князя Михаила Черкасского, брата царицы Марии (это привело к объединению родни двух цариц), а также князь А.Д. Вяземский, думский служащий П. Зайцев (два последних стали влиятельными членами опричнины), И.М. Висковатый и пара думских секретарей¹⁹. Литовцы предложили поделить Ливонию с русскими, а затем объединить силы, чтобы изгнать шведов из Эстонии. Царь и его советники сочли это проявлением литовской слабости и вознамерились добиться признания прав России на всю Ливонию, включая Ригу, ценой уступки Литве Курляндии и Полоцка, а также части его окрестностей — это было необходимо, чтобы обезопасить Полоцк от русской угрозы со стороны Западной Двины. Но литовцы не были готовы отказаться от контроля над Двиной и от рижского порта, жизненно важного для их экономики, и построили цепь укреплений для их защиты на территории Литвы²⁰.

17 июня на заседании Боярской думы был заслушан отчет бояр, отвечавших за проведение переговоров с Литвой. Поскольку ни одна из сторон не захотела снять свои притязания на Ригу, Дума постановила отказаться от подписания мирного договора и заключить перемирие на более умеренных условиях²¹.

Предложение о личной встрече между Иваном и Сигизмундом Августом было сначала одобрено Иваном, но к соглашению не удалось прийти из-за разногласий по вопросам этикета (кому ехать на пир к другому)²². Иван претендовал теперь не только на Дерпт и Нарву, но и на остров Эзель, на тот момент занимаемый Данией.

К 25 июня соглашение об условиях перемирия не было достигнуто, и переговоры, возглавлявшиеся с русской стороны В.М. Юрьевым, были отложены на 10 дней²³. В этой связи историк Зимин добавляет: *«Для решения этого важнейшего вопроса и понадобился созыв * Земского собора, широко представлявшего интересы господствующего класса России»*²⁴.

Собор должен был высказаться по двум вопросам: должна ли Россия согласиться на то, чтобы граница проходила по Двине, как предлагали поляки, и должен ли Иван отказаться от притязаний на Ливонию?²⁵

* В англ. переводе этой цитаты в этом месте вставлено: *«не Боярской думы, а»*

Заседание представителей ряда социальных групп России, которое историки обычно называют Земским собором, состоялось 28 июня 1566 года²⁶.

По словам Джайлса Флетчера, посла Елизаветы к царю Федору в 1588 – 1589 годах, *«самое высшее учреждение для публичных совещаний по делам государственным называется собором, то есть общественным собранием»*²⁷. Вмешательство подобного учреждения в переговоры о мире заставляет поставить вопрос о том, чем оно в действительности являлось?

Следует заметить, что, например, Карамзин в своей «Истории государства Российского», которая выходила с 1816 года, не пользуется названием Земский собор. Он пишет: *«В июле 1566 года Иоанн явил России зрелище необыкновенное: призвал в Земскую думу не только знатнейшее духовенство, бояр, окольничих, всех других сановников, казначеев, дьяков, дворян первой и второй статьи, но и гостей, купцов, помещиков иногородных; отдал им на суд переговоры наши с Литвою»*²⁸.

Из карамзинского описания заседаний и принятых решений следует, что представители разных сословий России были созваны для участия в работе Боярской думы²⁹, другими словами, что Земский собор был частью Боярской думы. Название Земский собор является изобретением XIX столетия, когда русские начали писать историю своей страны, а революционно-освободительные движения во многих других странах стремились добиться конституции, предусматривающей создание разного рода представительных учреждений. Образчиками служили американская и французская конституции, появившиеся в результате революций в 1787 и 1791 годах, а также более свежая испанская конституция 1812 года, которая была хорошо знакома русским либералам, поскольку она оказала сильное влияние на Северное общество декабристов в 1825 году³⁰.

Большинство советских историков попросту допускают, что Земское собрание в России существовало и описывают его состав, как он им представляется, но они редко занимаются строго научным изучением его происхождения, структуры, характера представительства и полномочий участников, системы выборов и политических функций (если они были)³¹.

* В англ. оригинале: *«вопрос о продолжении Ливонской войны»*.

По мнению Зимина, решение созвать собор принималось в виде *приговора* Боярской думы (доказательств этого не существует), а не по указанию царя³².

В то же время Скрынников, рассказывая о ходе мирных переговоров, кратко констатирует: «25 июня [1566 года] *переговоры были прерваны, и три дня спустя был созван Земский собор*»³³.

Оба историка допускают, что такое учреждение, как Земский собор, существовало, что собор созывался до этого и мог быть созван снова и что его согласие было желательно и даже необходимо для принятия решения о продолжении борьбы за удержание завоеванных Иваном родовых земель. Но такого учреждения еще не было: оно могло появиться в отдаленном будущем.

Начать с вопроса: был ли вообще орган, созданный в 1566 году для обсуждения политических вопросов, сословно-представительным Земским собором³⁴? На нем присутствовали триста семьдесят четыре человека. Ни один из них не был избран или делегирован путем каких бы то ни было выборов³⁵. Кстати сказать, имелись ли в России «сословия»? Конечно, общество могло иметь подразделение на три категории: воюющих, молящихся и работающих. Но это социологическая классификация, а не политическая.

Попытки обнаружить в России феодализм западного типа, связанные с именем историка девятнадцатого века Павлова-Сильванского³⁶, провалились в основном в связи с наличием двух особенностей русского социального развития. Во-первых, это отсутствие правовой культуры в России раннего нового времени. Ни одна из российских общественных групп не имела определенного правового статуса и не имела никаких законных, тем более политических корпоративных прав. Во-вторых, это глобальное деление населения на «служилое» и «тяглое». Только в старинных городских республиках Пскове и Новгороде (и возможно, в Смоленске) сохранялись предания о другой форме правления.

Отсутствие в России определенного правового статуса социальных групп населения особенно разительно видно на примере городских жителей. Город в целом не представлял собой правовой корпорации и не включал в себя созданных законным путем и подчиненных ему автономных учреждений, таких, как городская община, мэр и старейшины или ремесленные цехи. Здесь не было административных единиц со своим уставом, и городской воздух не делал человека свободным. Горожане

также делились на обособленные группы: *посадских*, живших в основных торговых кварталах и плативших налоги, и тех, кто был прикреплен к монастырским владениям, помещичьим владениям или свободным землям. Представители последней группы тоже занимались торговлей и ремеслом или обслуживали город, но при этом не платили налогов. Были еще военные (например, стрельцы), которые тоже участвовали в торговой и ремесленной деятельности и не облагались налогами. В число городских жителей должны были входить еще представители класса служилых землевладельцев, командиры стрельцов и т.д., дьяки и должностные лица центральных учреждений, представители группы, повсюду входившей в третье сословие, а именно *гости*, то есть верхние слои богатых оптовых торговцев, которые считались служилыми и не платили налогов. Эта пестрая толпа горожан с трудом приходила к соглашению и отличалась разнообразием политических интересов, поэтому западные историки обычно не рассматривали ее в качестве сословия. Судя, например, по запискам Штадена, в городе было относительно нетрудно перейти из одной социальной группы в другую. Церковнослужители составляли отдельную общность, куда входили как монахи, так и белое духовенство.

Их объединяли привязанность к религиозным ценностям и осознание проблем, вытекавших из наличия монастырского землевладения разного калибра, поэтому они больше напоминают западное сословие, или *Stand* (нем).

Общим наименованием этих социальных групп было *чины*, откуда произошло позднейшее слово чиновник, которое означало принадлежность не к определенному сословию, а к служебному рангу³⁷.

Однако Земский собор в значительной степени представлял политический класс, а именно церковную иерархию, бояр, служилую знать и немногочисленную торговую элиту. Точно неизвестно, собирались ли его участники в одном помещении или в нескольких, хотя они подписывали свои рекомендации по разрядам. Созыв церковного совещания, или собора, а также совместного церковного и боярского соборов был частью русских традиций, но эти соборы не представляли собой постоянного органа³⁸. В частности, на Соборе 1566 года отсутствовали двое высших иерархов, в том числе митрополит Афанасий, то ли по болезни, то ли по причине пожилого возраста. Присутствовали 3 архиепископа, 6 епископов, 14 игуменов и архимандритов, 3 старца и один келарь. Игуменов и монастырских архимандритов было намного меньше, чем

на представительном Церковном соборе 1580 года, посвященном церковным вопросам, — 14 против 39, причем настоятели важнейших монастырей блистали своим отсутствием³⁹. Всего участвовали 15 игуменов из Москвы и 6 из монастырей западных и северо-западных областей, которых вопрос войны или мира непосредственно затрагивал. Общее число — 32[?].

Боярская дума, «присутствовавшая» на Соборе 1566 года, насчитывала 30 человек, в том числе 17 бояр, 3 окольничих, 2 казначея, 1 судейский служащий при боярах, 6 думских секретарей и 1 печатник (хранитель печати), т.е. 17 бояр и 13 рядовых членов. Состав боярской части Земского собора вызывает ряд недоуменных вопросов по поводу их статуса и функций, то есть о том, что можно назвать конституционными полномочиями так называемой Думы. Прежде всего, присутствовали только 17 человек из тех, кто носил боярский титул; таким образом, далеко не все из тогдашних бояр зарегистрированы как участники Земского собора, 14 бояр из общего числа отсутствовали. Многие из этих 14 находились на службе в качестве военачальников (воевод) и наместников в разных городах; двое были в Москве, но не принимали участия в работе Собора⁴⁰. В числе высших военачальников в это время были 2 высокопоставленных татарских князя в ранге боярина, царь Симеон Касаевич (бывший казанский царь, принявший православие) и его двоюродный брат, царевич Кайбула Ахкубекович Астраханский, которые часто сопровождали царя; они, по-видимому, не присутствовали на Соборе, во всяком случае, не подписывали принятые им решения. Кое-кто из участников позднее присоединился к опричнине, например, В.М. Захарьин-Юрьев, игравший заметную роль в переговорах с литовцами и умерший в 1567 году; другие были уже в опале⁴¹. По крайней мере трое из бояр, не так давно попавших в немилость, только что были восстановлены в своем сане, возможно, ради того, чтобы примирить противоборствующие партии. Отсутствие значительного числа бояр, 14 человек, на Соборе свидетельствует против утверждения о том, что все бояре по праву принадлежали к Думе, и говорит в пользу теории, выдвинутой С.Н. Богатыревым. Он признает за анализом этого учреждения, данным английским посланником Джайлсом Флетчером в его сочинении «О русском государстве»⁴², большую проницательность в описании роли бояр, чем принято считать⁴³.

Согласно Флетчеру, существовало два рода бояр, некоторые из них получали просто почетный титул, и их можно назвать «советниками в пространном значении, ибо на общий совет их приглашают весьма редко или никогда»⁴⁴. «Принадлежащие же на самом деле к особому и тайному совету царя (именно те, кого он постоянно и ежедневно использует для всех публичных дел, затрагивающих интересы государства) носят прибавочный титул гумных и называются гумными боярами, или господами [Тайного] Совета, а их должность или служба – гумным боярством»⁴⁵.

Очевидно, что Боярская дума, заседавшая на Соборе 1566 года, включала не всех бояр и больше напоминала Ближнюю думу или английский Тайный совет (*Privy Council*), в социальном отношении смешанное учреждение, включавшее не только бояр, но и небояр, таких, как И.М. Висковатый, в то время хранитель печати (печатник), Н.А. Фурцев-Фуников, казначей, и дьяки братья Щелкаловы, из семьи которых вышло много секретарей.

Описание Боярской думы в контексте Земского собора у Зимина в качестве органа, включающего небояр по праву, мало напоминает палату, представляющую боярство как сословие и состоящую целиком из «реакционной» аристократии по рождению. Это совершенно другое по составу учреждение, близкое тайному совету с рекомендательными и исполнительными функциями, назначаемому правителем из аристократии и высших чиновников неаристократического происхождения⁴⁶. Если приводить западноевропейские параллели, то на ум приходят снова примеры из Англии, но следует сравнивать Думу не с палатой лордов, а с английским Тайным советом.

Ибо, хотя Тайный совет при Тюдорах как учреждение не входил в состав ни верхней, ни нижней палаты парламента, пэры по отдельности заседали в палате лордов, а незнатные члены совета, в частности, судебные служащие короны и высшие чиновники (секретари) исполнительных учреждений, такие, как сэр Николас Бэкон, сэр Уильям Сесил, а позднее его сын Роберт или сэр Фрэнсис Уолсингем, избирались в палату общин⁴⁷.

Представление о так называемой Боярской думе как административном органе, Тайном совете, а не политическом представительном учреждении, палате лордов⁴⁸ призвано изменить понимание ее роли и полномочий, ее взаимоотношений с царем, выработанное поколениями историков России.

Обычно Думу изображают как сословный орган боярской аристократии, оказывавший политическое влияние, обладавший независимой от царя властью, особенно в области права, и действовавший в интересах своего класса, а также как законодательное учреждение⁴⁹.

В России, разумеется, не было независимого судопроизводства и вообще подготовленных судей, было лишь некоторое количество бояр и приказных, которые выступали в правовых состязаниях в качестве судей в столице и в провинции, и на практике усваивали основы обычного и частично кодифицированного права. Тайный совет* не обладал исключительной законодательной властью: из 38 законодательных актов, изданных с 1550 по 1578 год, не менее 16 были приняты с одобрения бояр, следовательно, 22 — без одобрения⁵⁰. Но фактически Боярская дума возглавляла исполнительную власть при царе; это было правительство, поскольку многие из бояр стояли во главе приказов и в качестве таковых являлись судьями.

Из 204 дворян, т.е. представителей служилой знати, на Соборе 1566 года 95 принадлежали к первой статье и 100 — к низшему рангу служилого дворянства; в большинстве своем эти люди входили в 1000 избранных слуг при *государевом дворе*. Во втором разряде многие относились к младшим сыновьям или еще не получившим титула членам аристократических семей. В первом разряде более трети составляли князья, отпрыски литовских Патрикеевых и других значительных кланов Рюриковичей, всевозможные Оболенские, Шуйские и пр. Другие являлись не титулованными пока членами именитых старомосковских боярских родов, хотя некоторые имели более скромное происхождение, а 43 были приказными людьми, не причисленными к Думе⁵¹. Ко второй категории относились и князья обычно низшего ранга. Наличие значительного числа членов княжеских и боярских семейств, в том числе из самых знатных фамилий, принадлежавших к служилой знати первого разряда, подрывает традиционный тезис российской исторической науки о существовании глубоко укорененного политического противостояния между боярами и дворянством и о поддержке последним мнимой антибоярской политики царя, направленной на централизацию власти в России.

Больше всего представителей служилой знати обоих разрядов про-

* То есть Дума.

исходило из городов, окружающих Москву: из Можайска — 12, из Переяславля — 14, из самой Москвы — 16 человек. Некоторое количество дворян было зарегистрировано на территориях, связанных с использованием и защитой долины Двины и Полоцка, а также городов на западной границе; в Новгороде — 21⁵². Зимин ошибочно утверждает, что дворяне, которые были приписаны к 42 городам, «представляли» их⁵³.

Но служилая знать не могла «представлять» городское или торговое сословие ввиду отсутствия избирательного процесса в какой бы то ни было форме, хотя в принципе, разумеется, дворяне могли представлять население, не связанное с законодательно определенной социальной группой⁵⁴. Тем не менее незаметно никаких следов выборов, для которых не было времени и установленных процедур.

Представители купечества в количестве 75 человек относились к двум городам, а именно Москве и Смоленску, и учитывались отдельно: среди них было 12 *гостей*, представлявших торговую элиту, 41 купец из Москвы и 22, судя по названию, из Смоленска, который находится на одном из важнейших торговых путей для поставок в Россию с Запада. Однако не все «смоленские» купцы прибыли в Москву из Смоленска. Они были потомками смоленских купцов, вывезенных в столицу после взятия города Василием III в 1514 году, разбогатевших и получивших особое звание *смолян*, занимавшие второе место в городе после *гостей*⁵⁵.

Присутствие представителей купечества на Соборе не должно удивлять, если в его задачи входило обсуждение переговоров о мире, в которых торговые вопросы занимали важнейшее место. Более того, весь состав и даже сам созыв Собора должны рассматриваться в контексте прибытия в Россию в мае многочисленного «великого посольства» из Литвы. Значительная доля купцов в его составе указывала на то, что торговля входила в сферу его интересов⁵⁶.

Заседания Собора проходили с 28 июня по 2 июля. На его рассмотрение был вынесен ряд вопросов, которые обсуждались группами участников по отдельности, и их решения по отдельности передавались царю. Царь спрашивал, должен ли он пойти навстречу литовцам и включить в условия мирного договора или даже перемирия гарантию передачи литовцам занятых ими ливонских городов; а также должен ли он продолжить войну в Ливонии или нет.

Выражаясь языком того времени, церковным деятелям, стоявшим на первом месте, было предложено «дать совет» царю; бояре, которые занимали вторую ступень после духовенства, должны были только «высказать свои мысли»⁵⁷.

Церковный собор приговорил, что царю следовало оставить за собой Ригу (которая еще не была завоевана) и земли, прилегающие к Двине; однако собор отказался решать вопрос о войне и мире. Вероятно, обсуждение этого вопроса не подходило лицам духовного звания. Бояре в Думе ясно понимали, что России предстояло завоевать и удержать требуемые ей города и крепости, в противном случае поляки смогут построить на своем берегу форты, угрожающие Полоцку, а отказ от притязаний на Ригу может впоследствии создать опасность для Дерпта и Пскова. Дума высказалась против встречи сторон и предупредила об опасности возможного политического объединения Польши и Литвы, невыгодного для России. Хранитель печати И.М. Висковатый стремился к заключению по меньшей мере перемирия. Он представил независимое мнение, предложив, чтобы литовцы ушли из Ливонии, а Иван отказался от своих притязаний на Ригу и прочие ливонские города при условии, что Литва обязуется не поддерживать рижан в случае возобновления войны после перемирия⁵⁸. Эта смехотворная уловка вряд ли обманула бы Сигизмунда. В итоге литовскому посольству было велено вернуться домой, а военные действия были приостановлены до их возвращения на родину⁵⁹.

Хорошо известное мнение историка Ключевского о Земском соборе 1566 года, гласящее, что царь просто держал совет с «собственными агентами», заметно повлияло на русские истолкования этого события. Ключевский утверждал, что если Собор что-то и представлял, то он представлял столицу, где были сосредоточены руководящие силы страны, а столица, в свою очередь, представляла всю землю. Таким образом, участники Собора присутствовали на нем по обязанности в соответствии со своим чином или положением⁶⁰; правительство приказало им быть на Соборе точно так же, как могло поставить их на любую должность. Между назначением и избранием не было существенной разницы. Правительство могло назначить на должность, а если подходящей кандидатуры не было, оно могло потребовать избрать ее. Речи о полномочиях, которыми располагает депутат, не шло. Все, что было необходимо, это наличие лица, способного выполнять указания

правительства. Такое толкование характера выборов в шестнадцатом столетии, подразумевающее избрание представителя, обязанного в качестве агента короны действовать в интересах монарха, не учитывает того факта, что избранные члены английского парламента на местах выполняли ряд функций от имени короны, например, были мировыми судьями, при этом не обязательно будучи или становясь агентами короны. И Тихомиров, и Зимин отвергают точку зрения Ключевского, потому что под «агентом» они понимают лицо, назначенное царем и, следовательно, призванное защищать его интересы, а не интересы их избирателей. Во всяком случае эти историки отвергли понимание Ключевского, поскольку оно не соответствовало советской концепции российского правительства как совокупности *сословно-представительных* учреждений.

Отвергая мнение Ключевского, Тихомиров и Зимин одновременно отменяли идею славянофилов о том, что царь советовался с народом, чтобы получить его поддержку, и высказывались в пользу той точки зрения, что участники Собора представляли классовые интересы той социальной группы, из которой они происходили. Однако Ключевский яснее понимал, как работали средневековые западноевропейские парламентские учреждения, когда он отрицал классовую ориентацию Собора шестнадцатого столетия ввиду того, что «сословие» — это не класс или еще не класс. Вероятно, лучше всего подытоживает споры о природе русского Земского собора следующее заключение: «Соборы в то время воспринимались не как народно-представительные учреждения [Volkvertretungen]», а «как форумы, облегчающие выполнение задач правительства путем обеспечения общественного участия»⁶¹.

У нас нет сведений о том, что побудило Ивана IV созвать такое совещание. Вооруженная свита литовского посольства насчитывала более двенадцати сотен человек, что, возможно, превышало число русских солдат, находившихся в Москве. Иван мог ощущать потребность в поддержке со стороны русской служилой знати, группы, органа, представлявшего русское общественное мнение или то мнение, которое вообще имело некоторое значение, органа, напоминавшего литовский сейм, тем более что Литва так ощутимо давала знать о своем присутствии на русской территории. Не исключено, что известия о решениях, публично принятых на сеймах в Вильно (ноябрь 1565 года) и Берестечко (апрель 1566 года), заставили царя собрать в ответ авторитетный форум для обсуждения

русской внешней политики. Возможно, Иван в самом деле чувствовал потребность в поддержке со стороны важнейших социальных групп по вопросу о продолжении войны и связанных с ней огромных финансовых затратах, к которым теперь прибавлялся сбор на учреждение опричнины в размере 100 000 рублей. Это определенно говорит о способности царя к политической импровизации, уже проявившейся в создании опричнины. Быть может, Собор был созван им по подсказке помощников из числа членов Тайного совета, среди которых, в том числе ближайших к царю, были выходцы из Литвы, знакомые с ее политической системой. Ведь Земский собор, не будучи еще законченным институтом, являлся институтом в стадии становления. Общественное совещание с размытыми очертаниями превращалось из совещательного органа в утверждающий, а в 1566 году оно уже обсуждало и вырабатывало политику.

На историографию Земских соборов в другом отношении существенно повлиял тот факт, что русские историки начали всерьез изучать историю своей страны только в начале девятнадцатого века. Едва начав развиваться, русская общественная мысль стала тонуть в трясине философии немецкого романтизма, за которым последовало гегельянство, экономический детерминизм, затем народничество, марксизм, ленинизм и классовая борьба, которая рассматривалась в качестве движущей силы исторического развития даже в шестнадцатом веке. Для этой эпохи очень трудно вычленить классовую структуру, не говоря уже о пробуждении какой бы то ни было классовой солидарности в условиях доиндустриальной (*pre-modern*) экономики и доиндустриальной социальной структуры с вертикально организованными кланами, а не горизонтальными слоями, пронизанной отношениями патронажа и клиенты.

Итак, поскольку Россия развивалась аналогично странам остальной Европы (хотя и независимо от нее и с опозданием на несколько столетий⁶²), историки решили, что в ней возникли такие же институты, основанные на принципе представительства сословий: духовенства, аристократии, знати, купечества/горожан. А согласно преобладающей в России девятнадцатого века историко-философской теории, сословия должны были рассматриваться как эквивалент экономических классов для шестнадцатого века. Но более современный подход заключается в том, что в России, как и повсюду, глубоко укорененным принципом политической системы был консенсус, восходящий к старинной тра-

диции, согласно которой дружина правителя обязывалась быть ему советом, а правитель — выслушивать ее, что должно было обеспечивать гармонию в их отношениях. Представление об общественном устройстве (говорить о государстве слишком рано⁶³) не основывалось на идеологической борьбе, обусловленной социальными интересами⁶⁴. В то время оно выражалось и было представлено языком средневековых символов, которые означали понимание и принятие власти монарха⁶⁵. Во всяком случае, парламенты и представительные учреждения повсеместно собирались слишком редко, чтобы выступать в роли правительственных учреждений⁶⁶.

Мы здесь не можем вдаваться в подробный анализ различий между английским парламентом и русскими прототипами парламентских учреждений, хотя для шестнадцатого века сопоставление с Англией во многих отношениях наиболее плодотворно, ибо английский парламент был не просто представительным органом, он вырос из судебного института. Выражение «король в парламенте» означало совокупность всей власти (судебной, законодательной и исполнительной), чего не было в представительных учреждениях других стран, а палата общин к тому же имела право законодательной инициативы, которого не имело ни одно из учреждений России. *«Но предлагать билли, по мнению отдельных лиц, относительно какого-нибудь общепольного дела (как это делается в Англии), русский собор [Russe Parliament] вовсе не дозволяет подданным»,* — пишет Флетчер⁶⁷. Парламенты не были орудиями правительства, они служили для разрешения конфликтов, периодически вспыхивающих между кланами и группировками, посредством политического торга.